

Бовин, Коваленко 1986 — *Бовин В. Ю., Коваленко А. В.* Культура и массовая коммуникация. М., 1986.

Богатырев, Якобсон 1971 — *Богатырев П. Г., Якобсон Р. О.* Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 369—383.

Гальперин 1981 — *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования М., 1981.

Гацак 1989 — *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. М., 1989.

Иванова 2006 — *Иванова К. А.* Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. СПб., 2006.

Кондратьев, Абрамов 2005 — *Кондратьев Э. В., Абрамов Р. Н.* Связи с общественностью. М., 2005.

Кривоносов 2001 — *Кривоносов А. Д.* Жанры PR-текста. СПб., 2001.

Лотман 1993 — *Лотман Ю. М.* Блок и народная культура города // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. Таллин, 1993. С. 185—200.

Лотман 1964 — *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике // Труды по знаковым системам. I. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1964. Вып. 160.

Неклюдов 2005 — *Неклюдов С. Ю.* Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции. Вып. 8. М., 2005. С. 22—41.

Оссовецкий 1979 — *Оссовецкий И. А.* Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979. С. 199—252.

Почепцов 2000 — *Почепцов Г. Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов М.; Киев, 2000.

Пропп 1976 — *Пропп В. Я.* Специфика фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 16—33.

Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

Татарина 2004 — *Татарина Г. Н.* Управление общественными отношениями. СПб., 2004.

Хренов 2006 — *Хренов Н. А.* Смена культурных циклов на рубеже XX—XXI веков: передвижение периферийных сфер в центр культуры // Традиционная культура. 2006. № 3 (23). С. 3—22.

Чистов 1986 — *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. Л., 1986.

Чистов 2005 — *Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. М., 2005.

А. В. ТЕРПУГОВА
(Москва)

СОВРЕМЕННЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: К ВОПРОСУ О ТЕКСТОБРАЗУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТАХ

Биографическая проза представляет собой разножанровый спектр текстов — от житий святых до дневниковых записей. Основу современной биографической прозы составляют жизнеописания научно-популярного характера о выдающихся деятелях науки, искусства и т. д. Серия «ЖЗЛ», ядро современной биографической прозы, и служит материалом нашего исследования.

Существует несколько трактовок термина «мотив»: семантическая (А. Л. Бем, А. Н. Веселовский, О. М. Фрейденберг), морфологическая (В. Я. Пропп, Б. И. Ярхо), дихотомическая (Н. Г. Черняева, Б. Н. Путилов, Н. Д. Тамарченко, Ю. В. Шатин), структурно-семиотическая (Е. М. Мелетинский, Т. В. Цивьян) и т. д. Общим для толкования данного термина в различных исследованиях выступает некое смысловое ядро, выполняющее определенную функцию в тексте. Мысль о понимании мотива как устойчивого по семантике повторяющегося фрагмента, имеющего скрытый символический смысл, близка Г. И. Мальцеву, который, кроме того, говорит об устойчивых эпитетах, присущих мотиву, на примере русской внеобрядовой лирики [Мальцев 1989]. Под текстовыми константами, о которых писал Г. И. Мальцев, могут пониматься парные сочетания синонимов, повторные предлогов, композиционные блоки и ассоциативные ряды (А. Т. Хроленко), песенные рефрены, синтаксический параллелизм и его модификации, композиционные фрагменты (Е. Б. Артеменко), традиционные синтаксические схемы и сценарии (Ю. М. Соколов) и т. д. Сказанное, прежде всего, относится к фольклорным произведениям, но в то же время понятие мотива является одним из основных при анализе такого объекта исследования, как биографическая проза. В данном случае ситуация носит несколько иной характер, что обусловлено самой структурой

исследуемого текста, именно поэтому представляется неуместным говорить о включении устойчивых эпитетов и т. д. в понимание мотива.

Надо полагать, мотив — движущий элемент фольклорного текста — также является движущим элементом исследуемой нами биографической прозы. Вслед за Г. И. Мальцевым, мы понимаем под мотивом устойчивый по семантике повторяющийся фрагмент, имеющий скрытый символический смысл. Мотив в фольклоре — текстообразующий элемент, что подтверждает наличие большого количества указателей фольклорных мотивов и сюжетов («Указатель сказочных типов» Анти Аарне, перевод и дополнение данной работы Н. П. Андреевым — «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне», «Указатель» Аарне-Томпсона, «Сравнительный указатель сказочных сюжетов. Восточнославянская сказка» и т. п.).

Биографическая проза по структуре текста и языковым чертам представляется сопоставимой с таким фольклорным произведением, как волшебная сказка. Так, например, автор биографии У. Черчилля пишет, что «помимо волшебной сказки о народном любимце существовала еще и «черная» легенда, представлявшая знаменитого государственного деятеля» [Бедарида 2006, 20], что в очередной раз подчеркивает мифологизацию биографического текста. Связь между биографической прозой и фольклорными произведениями видится в том, что им присущи следующие общие мотивы: чудесное рождение, приобретение помощника, решение трудных задач, победа в бою, воздаяние (награда/наказание) и т. д. Однако самым своим «несказочным» характером биографическая проза ограничивает полноценное, как это свойственно произведениям фольклора, развитие того или иного мотива.

Традиционные для фольклорного текста мотивы представлены в измененном, редуцированном виде, т. е. в биографической прозе происходит некоторая трансформация мотивов. Так, распространенный в сказках мотив чудесного рождения (рождение от выпитой воды, непорочное зачатие, рождение от наговора, рождение от съеденных останков и т. д.) не получает в биографической прозе своего такого представления, так как реальный герой биографической

прозы не может быть рожден ни одним из этих способов. Зато само его рождение называется чудом, воплощением Божественной сущности.

Анализ биографической прозы в данной статье должен показать, что биографический текст характеризуется набором особых, свойственных именно биографической прозе, сюжетообразующих единиц (мотивов).

В биографической прозе жизнеописание любой знаменитости можно условно разбить на три основных составляющих, внутри которых выделяются следующие устойчивые мотивы: 1. детство героя (мотив необыкновенной одаренности, мотив предназначения, мотив продолжения родительского дела); 2. путь к славе (мотив обретения покровителя, мотив страдания на пути к славе, мотив духовного раздвоения личности). Следующие мотивы характерны как для первого, так и для второго жизненного этапа героя: мотив болезни, мотив одиночества/пасторальный мотив, мотив противопоставления себя окружающим, мотив чуда и т. п.

Перейдем к исследованию отдельных биографических текстов с точки зрения их организации, главным звеном в которых являются указанные мотивы.

Основным мотивом, пронизывающим биографическую прозу, является *мотив предназначения*. Во-первых, само имя может указывать на избранность героя Всевышним. Так, известно, что перед смертью Иван Калита принял монашеский постриг, а вместе с ним и имя Ананий, что в переводе с древнееврейского означает «тот, кого Бог даровал» [Борисов 2005, 38]. Весьма существенным является дальнейшее замечание Н. С. Борисова: «То же самое — “благодарить Божия”, “Божий дар” — означает по-еврейски и имя Иоанн» [Там же]. Родители, наделяя божественной символикой имя новорожденного, делают это подчас лишь интуитивно: «В честь одного из предков, но без какого-либо намека на тот *дар Божий* (прим. — курсив автора), что был дарован не им одним, но всему миру, окрестили его Федором» [Селезнев 2007, 11]. Ощущение собственной богоизбранности чаще всего зарождается в детстве, «оно подкрепляется различными провиденциальными совпадениями, необычными явлениями и знаменами» [Борисов 2005,

36], см. также [Ивашнев 2002, 12—14]. В жизнеописании английского физика Э. Резерфорда с первых страниц автор задается вопросом о рождении своего героя. Далее он приводит отрывок из биографии ученого, в котором сказано, что Резерфорду «дали имя Эрнст, точно предчувствуя, какие серьезные дела суждено ему будет совершить в мире» [Данин 1966, 17]. Но автор говорит, что не видит ничего необыкновенного в рождении будущего физика и в самом начале его жизни: «Так начинали и начинают все. Тут нет ничего резерфордовского, не правда ли? Вот когда бы мы сохранили веру наших предков в гороскопы, тогда другое дело. Но как быть нам, ироническим антифаталистам XX века? Точные даты рождения замечательных людей ничего нам не говорят. В тот давний августовский день на берегу пролива Кука родился просто мальчик — образцовый крепыш с неприготовленной заранее судьбою великого исследователя глубин материи» [Там же]. Интересно, что по закону построения биографической прозы (согласно логике автора биографической прозы) в день появления героя на свет обязательно должно что-нибудь случиться, а если этого не происходит, то отсутствие должных «чудесных» событий нарочито подчеркивается: «Словом, ничего особенно важного в день рождения героя не произошло» [Гейзер 2008, 21]. Указание, намек на рождение героя в обычный день часто свидетельствует о том, что в день рождения великого человека непременно должно произойти что-то необыкновенное: «Согласно представлениям той эпохи рождение великих правителей обязательно должно было сопровождаться какими-то чудесными знаменами и пророчествами. Принято думать, что эти пророчества составлялись “задним числом” и были плодом фантазии каких-нибудь старательных книжников. Не вступая в спор со здравым смыслом науки, заметим лишь, что доказать невозможность чуда столь же трудно, как и его возможность...» [Борисов 2000, 15].

Рождение героя в определенное время года/суток тоже обладает определенной символикой. Например, в жизнеописании Н. В. Гоголя говорится, что он родился в месяце, считавшемся у древних славян началом года [Золотус-

ский 2007, 6]. Далее автор подчеркивает, что «в житии святого Стефана Пермского сказано: “...март месяц — начало всем месяцам, иже и первый наречется в месяцех, ему же свидетельствует Моисей-законодавец, глаголя: месяц же вам первый в месяцех да будет март... Марта бо месяца начало бытия — вся тварь Богом сотворена бысть от небытия в бытие”» [Там же]. И. П. Золотусский пишет о предопределении Гоголя [Золотусский 2007, 7]. Часто появление героя на свет происходит «на стыке, на междуречье, на перекрестке дорог» [Там же], при столкновении радости и скорби (так, рождение Ивана III совпало с кончиной его старшего брата Юрия [Борисов 2000, 15]).

На символичность рождения может указывать и необычное появление на свет: «Однако в то время, когда происходили описываемые события, это преждевременное разрешение от бремени через семь с половиной месяцев после свадьбы вызвало немало толков в порядочном обществе. Обстоятельство глубоко символичное, чему мы встретим еще немало подтверждений: впервые У. Черчилль бросил вызов условностям, едва появившись на свет...» [Бедарид 2006, 27]. Также герой может быть послан на землю во искупление грехов его семейства: «Какой-то рок витал над лутвиновской усадьбой и мстил за грехи отцов, дедов и прадедов. А во искупление этих грехов послал он в гнездо Лутвиновых странного, ни на кого из них не похожего ребенка» [Лебедев 1990, 29]. Иногда герой может сам отождествлять себя с Богом [Быков 2005, 23].

Чаще всего предназначение героя может угадывать кто-либо из его родителей: «Но однажды после мессы на побеленной стене дома он нарисовал Мадонну, используя растительные краски, которых было предостаточно в домашней красильне. Все домочадцы без труда узнали в запечатленном образе черты Лючии. Мать была растрогана до слез рисунком сына, нутром почувствовав, каково его истинное предназначение» [Махов 2006, 24]. Родители итальянского композитора Д. Верди рано заметили, что их сын равнодушен к музыке [Тароцци 1984, 9].

Указание на избранность героя Богом может обладать крайней эксплицитностью, т. е. быть вынесенным в эпиграф

ко всей биографии или к какой-то ее определенной главе, что мы и наблюдаем в жизнеописании московского князя Ивана Калиты: «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн» [Борисов 2005, 33]. Название глав тоже весьма символично. К примеру, в биографии Ф. М. Достоевского наименование глав «Голгофа», «Поприще», «Искушение», «Предчувствия и предвидения» отсылает непосредственно к главному священной тексту. Эксплицитность проявляется еще и в том, что героя на протяжении всей своей жизни не покидает чувство высокого предназначения, той выдающейся роли, которую ему суждено будет сыграть в обществе: внутри А. Ф. Писемского раздавался голос «отчаянно бодрящей злости», которая твердила, что «для чего-то немаленького он родился, и удел его будет крут, но прекрасен» [Плеханов 1986, 68]; Д. Верди не сомневался, что «у него нет другой дороги, кроме той, что впереди, и он пройдет ее до конца» [Тарощи 1984, 14] и т. д.

Особого внимания при анализе современной биографической прозы заслуживает мотив необыкновенной одаренности, который коррелирует с фольклорным мотивом «Чудесная сила или знание (умение)» (см., например: «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне», сюжеты 650 — 699).

Известно, что именно в детстве формируется характер и происходит становление личности. Детство является неким фундаментом, в котором закладывается то необычное и сверхъестественное, которому в скором времени суждено будет выйти наружу. Необыкновенная одаренность героя может не относиться напрямую к делу всей его жизни, но указывать на всестороннюю развитость личности. Например, наличие «необычайно живого воображения» у Николая Теслы [Ржонсницкий 1959, 19]. Несомненно, в жизнеописании героя эксплицитно представлены и те способности, которые непосредственно связаны с его предназначением. Так, мы видим проявление в раннем возрасте художественных способностей у Б. Пастернака (талант к красочному пересказу, словесное мастерство [Быков 2008, 20]), дара необычайной наблюдательности у Ч. Диккенса, «когда ему не было еще и двух лет» [Пирсон 2001, 4], таланта к живописи

у Тициана [Махов 2006, 25], широкого кругозора и независимости суждений у В. Татищева [Кузьмин 1987, 19—20], критического ума у Л. Гумилева [Демин 2008, 22], привязанности к ремеслам у Петра I [Павленко 2007, 15], «навыки литературного труда» у Ф. Тютчева [Кожин 1988, 52], «необычайной памяти и редкой способности производить сложные математические вычисления в уме, молниеносно называя ответ, когда учитель еще только заканчивал диктовать задачу» у Н. Теслы [Ржонсницкий 1959, 20] и т. д. Даже первые слова героя могут быть произнесены «сразу о высоком, и притом в рифму» [Новиков 2008, 11].

Стоит обратить внимание на слово *уже*, которое подчеркивает, что отличие от окружающих (касающееся характера, внешнего вида, духовного развития) проявляется задолго до становления личности, еще в раннем возрасте. Например, двухлетний Лев Гумилев «уже тогда» задал своей матери вопрос научного характера: умеет ли слон говорить [Демин 2008, 22]. Приведем другие цитаты из биографий:

«Уже тогда, в детском возрасте, он отличался смелым и решительным характером, выступал заводилой среди сверстников, верховодил ими» [Буганов 1984, 7].

«Физически крепкий, рослый, Володя уже в детские годы выделялся среди своих сверстников и был заводилой в играх и развлечениях. Но более всего он выделялся своим духовным развитием» [Михайлов 1988, 22].

«Уже в детском возрасте Тургенев свободно говорил на трех европейских языках и читал классиков немецкой, английской и французской литературы в оригинале» [Лебедев 1990, 30].

«Рано проявившиеся способности у Щепкина позволили ему без особого труда уже в шесть лет обучиться грамоте» [Ивашнев 2002, 15].

Иногда гениальность юного дарования может нарочито опровергаться авторами биографий, оказывающимися на стороне родителей, неспособных увидеть то необыкновенное, что заложено в юном гении: «Родители, не доверявшие характеру сына, не чувявшие заложенного в нем великого дарования, решили поскорее отправить непокладистого мальчика с дядюшкой Василием

Львовичем в Петербург, в школу к иезуитам» [Тыркова 2004, 63]. Автор, в свою очередь, старается показать, что даже наличие необыкновенных способностей не свидетельствует о том, что этому герою уготовано особое предназначение: «Так, Андрей Михайлович вспоминает: “Старший брат Михаил был и в детстве менее резв, менее энергичен и менее горяч в разговорах, чем брат Федор, который был во всех проявлениях своих настоящий огонь, как выражались наши родители”, — но мало ли резвых и энергичных выросло в добропорядочных и вполне заурядных чиновников?» [Селезнев 2007, 14]. Автор как будто бы специально переносит акцент с гениальности личности на ее заурядность. Его задача — показать, что герой ничем не отличается от своих сверстников. В жизнеописании Н. В. Гоголя говорится, что он «научился говорить в три года», но тут же незамедлительно добавляется: «природа как бы замедлила его развитие, чтоб затем в короткий срок дать выплеснуться его силам» [Золотусский 2007, 21].

Мотив необыкновенной одаренности тесно связан с мотивом Божественной избранности посредством волшебства. Приведем пример. «Как царственный избранник богов, вступил маленький Саша в таинственное общение с невидимыми для простых смертных волшебницами, ловил ему одному доступную гармонию образов и звуков, был уже поэтом, когда еще никто кругом этого не подозревал», — так сказано в жизнеописании А. С. Пушкина [Тыркова 2004, 51]. Таким образом, автору, пишущему биографию выдающегося человека, подсознательно приходится обращаться к сказочным мотивам, действовать согласно установленным правилам построения «сказочного жизнеописания». При создании биографической прозы происходит столкновение реалистичного и вымышленного, правдивого и волшебного.

Мотив символического происшествия может иметь отношение к выдающимся способностям в будущем, являться неким переломным моментом в жизнеописании героя. Этот случай образно делит жизнь на две части: до (обычная жизнь) и после (жизнь после прозрения). Так, встреча юного Тютчева с В. А. Жуковским в 1818 г. стала одним из самых значительных событий в его жизни: «даже через пятьдесят пять (!)

лет он благоговейно помнил его во всех подробностях, несмотря на то, что находился тогда в преддверии смерти, наполовину парализованный...» [Кожин 1988, 56]. В. В. Кожин далее пишет: «Можно бы предположить, что именно в это утро, как бы в скрещении лучей, исходящих от Московского Кремля, поэзии и первого весеннего дня, родился поэт и мыслитель Тютчев. Разумеется, реальные плоды этого события созрели только через десятилетие с лишним — ведь Федору в то утро не было и пятнадцати лет. Но именно тогда завязалось в озаренной душе семя, из которого выросло древо тютчевской поэзии и мысли. Именно потому и помнил он это утро до последней вспышки сознания» [Кожин 1988, 57].

В жизнеописании Н. Островского есть глава, называемая «Самый памятный для меня день в моей жизни». Приведем из нее цитату: «Мог ли он думать, мечтать, предполагать, что в его жизни произойдет то, что произошло сегодня, 14 февраля 1847 года — день, который будет памятен ему всю жизнь, день, когда он уверовал, что его призвание — литература, драматическая деятельность, что отныне он может считать себя русским писателем» [Лобанов 1989, 24].

Так, открытие Л. Гумилева «раз и навсегда изменило всю его дальнейшую жизнь — в прямом и переносном смысле, а со временем повлияло и на развитие всей исторической науки» [Демин 2008, 9].

Трехлетнего Федора няня заставила прочесть на сон грядущий молитву «Все упование, Господи, на Тя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под кровом своим». Удивление гостей, как казалось тогда Достоевскому, было вызвано его ораторским искусством. Как пишет далее автор, «и, может быть, именно от этого, пока еще сокровенного, конечно, и от него самого, соприкосновения и соития этих самых первых впечатлений, оставленных светом и словом, пробудивших в ребенке нового, уже сознающего себя и мир человека, зачался в нем исток и будущего писателя? Как знать?» [Селезнев 2007, 12]. Или другой пример. Одним из ранних детских воспоминаний Н. Теслы является странное происшествие, когда Никола, играя с кошкой, увидел, что ее спина «неожиданно озарилась полосой

голубоватого света, а прикосновение к ней вызвало целый сноп искр» [Ржонсницкий 1959, 20]. Родители маленького Николы были весьма поражены произошедшим. Отец высказал предположение, что, должно быть, это электричество. На что автор жизнеописания недоуменно вопрошает: «Электричество? Мальчик впервые услышал это слово, но сказочное явление запомнилось на долгие годы. Не в этот ли вечер возник интерес Н. Теслы к непонятному явлению, заставивший его отдать изучению электричества восемьдесят лет жизни?» [Ржонсницкий 1959, 20].

С мотивом символического происшествия тесно переплетается понятие судьбы. Именно судьба, рок предопределяет поведение героя, всю его жизнь [Скатов 2004, 14]. Случай зачастую оказывает огромное влияние на происходящие события [Данин 1966, 16]. Например, в биографии М. С. Шепкина, написанной В. И. Ивашневым, есть отдельная глава, названная «Случай», что тоже весьма символично.

Мотив одиночества является если не центральным, то наиболее эксплицитным мотивом в биографической прозе. Сосредоточение на собственном «Я», на своих ощущениях и мыслях делает героя нелюдимым, одиноким. Так, Ф. М. Достоевский нравственно «отличался от всех своих более или менее легкомысленных товарищей. Всегда сосредоточенный в себе, он в свободное время постоянно задумчиво ходил взад и вперед где-нибудь в стороне, не видя и не слыша, что происходило вокруг него» [Селезнев 2007, 30–31]. Для мотива одиночества характерно раскрытие души героя наедине с природой. Например, Н. Кольцов, по словам автора его биографии, «подрастал человеком характера в основном довольно замкнутого и казался даже, по словам сестер, скрытным и угрюмым. В степи, в лесу, в поле раскрывалась его душа» [Скатов 1989, 26]. Гоголь любил убежать в степь и лежать там подолгу, глядя в небо [Золотусский 2007, 23–24]. А. Ф. Писемский «мог часами сидеть у раскрытого окна, подобрав к подбородку колени, поживаясь от сырой прохлады, заползающей под шлафрок» [Плеханов 1986, 24].

Несмотря на то, что герой может быть в детстве живым и резвым ребенком, еще больше он может любить

«далеко уходить в горы и часами следить за стадами овец в глубоких ущельях» [Ржонсницкий 1959, 21]. Именно в единении с природой раскрывается сущность выдающейся личности, он становится самим собой, таким, каким он есть на самом деле. Вся стесненность и скованность пропадают куда-то, уступая место непринужденности и веселью [Скатов 1989, 26–27].

Одиночество героя неким образом связано со свободой, ведь, оставаясь наедине со своими мыслями, переживаниями, эмоциями, герой раскрепощается духовно. Кажется, что одиночество не покидает героя на протяжении всей его жизни, одинаково присутствуя как в молодости, так и в старости. Скрываясь от посторонних глаз, герой все чаще ищет уединения, приобретая страсть к чтению, природе и мечтам. Одиночество оказывает влияние на формирование характера героя, делая его скрытным, нелюдимым: «Так привык он к одиночеству — к одиночеству среди людей и одиночеству наедине с собой. Это создало характер скрытный, закрытый, но и способный сосредоточиться на себе, удовлетвориться собой» [Золотусский 2007, 24]. К примеру, про В. Маяковского автор биографии пишет: «Но в обычное время он скорее производил впечатление мальчика несколько скрытного, самоуглубленного, живущего своей внутренней жизнью» [Михайлов 1988, 27]. Молчаливый характер свойственен многим творческим личностям: Тициану [Махов 2006, 34], Ш. Бодлеру [Труайя 2006, 51], Д. Верди, который «растет довольно замкнутым, странным, немногословным. Улыбается редко и не дружит со сверстниками <...>. Часто исчезает куда-то, не откликается, когда зовет мать. Уходит один далеко в поле. Или же стоит и смотрит как замороженный на медленно текущую мутную воду в канале <...>. Станный мальчик, совсем не такой, как другие дети. За весь день едва произнесет несколько слов» [Тарощи 1984, 9].

Обычно у героя мало близких друзей (например, в жизнеописании Ш. Бодлера сказано, что у него был только один друг [Труайя 2006, 28]), поэтому для него так сладок час, когда он может побыть один и предаться любимому делу: «У Омара не было друзей, лучшие его товарищи были книги» [Султанов Ш.,

Султанов К. 2007, 48]. Парадоксально, но именно эта отчужденность иногда помогает герою находить контакт с другими людьми: «Большая и все усиливающаяся замкнутость и закрытость души совмещалась с удивительным и все усиливающимся умением сходить с людьми, привлекать их, со своеобразным обаянием» [Скатов 2004, 44]. Среди друзей замкнутая натура героя постепенно раскрывается [Гумилевский 1988, 22]. Герой может быть как общительным, так и одиноким одновременно: «То тянуло его в коридор поглядеть на соседей, то он надолго в своем углу комнаты углублялся в возню с любимой лошадкой из папье-маше, с игрушечным гаражом и двумя машинками» [Новиков 2008, 11].

Одиночество может причинять душевные муки герою, что указывает на близость данного мотива с *мотивом страдания*. Обычно невзгоды герою суждено пережить еще в детстве [Тароци 1984, 22]. Само страдание может быть связано, во-первых, со сложными внутрисемейными отношениями: родительской ласки лишен как будущий режиссер Е. Вахтангов, живущий в небогатой семье, так и будущий премьер-министр Великобритании, появившийся на свет «в исключительно благоприятных социальных условиях» [Бедарида 2006, 26]. Автор биографии У. Черчилля выносит мотив страдания в название одной из глав, что на первый взгляд кажется странным: «Детство и юность, полные страданий: 1874—1895». Еще более странным представляется то, что премьер-министру (!) в дальнейшем также приходится испытывать нужду: «Кроме того, Уинстону пришлось столкнуться с денежными затруднениями. <...> Чтобы поддерживать честь мундира, требовалось около шестисот фунтов в год, а жалованье офицера кавалерии составляло сто пятьдесят фунтов. К тому же молодой Уинстон как истый аристократ, не привыкший считать деньги, тратил их не задумываясь, да и долги, которые, в свою очередь, делала его матушка, кого угодно могли свести с ума. Год от года положение ухудшалось, по меньшей мере до того момента, пока репортажи солдата-журналиста Черчилля не начали приносить ему солидный доход» [Бедарида 2006, 40—41]. В главе «Безрадостное детство» жизнеописания М. Лютера

говорится, что детство героя «прошло для него без ласки и радостей, под пристальным взглядом людей, которые его, конечно, любили, но никогда и ничем эту любовь не проявляли и, забываясь о вечном блаженстве, меньше всего пеклись о его сиюминутном счастье» [Гобри 2000, 25]. Шопенгауэр «никогда не знал покоя и уюта в родительском доме. Не ведая материнской любви в ранние годы, когда формировалась базисная личность, он не получил способности смотреть на все живое спокойным взглядом» [Гулыга, Андреева 2003, 14]. Из-за сложных отношений с матерью Лев Гумилев чувствовал себя одиноким, покинутым [Демин 2008, 27].

Отсутствие взаимопонимания с окружающими (друзьями, одноклассниками, сокурсниками) также причиняет герою душевные муки. Немалая роль отведена и тяжелому материальному положению, способному оказывать большое влияние на душевное спокойствие героя. Именно под воздействием денежного кризиса герою приходится выполнять любую работу, чтобы прокормить не только себя, но и близких. Так, Н. Тесла работал грузчиком, поденщиком, рыл канавы и т. д. [Ржонский 1959, 43].

И даже тогда, когда по логике судьбы все должно быть без происшествий, бед и невзгод, обязательно находится место внутренним, а чаще внешним факторам, которые обязательно вмешиваются в судьбу героя, нарушая существующую идиллию.

Мотив страдания, характерный для биографической прозы, можно сравнить с мотивом беды в фольклоре, ведь и то, и другое — основная составляющая сюжета (об этом см. [Пропп 2002, 30—31]).

Мотиву страдания противопоставлен *мотив чуда*, главным образом потому, что в русской языковой картине мира само слово «чудо» имеет обычно положительную коннотацию. Для биографической прозы в целом характерен мотив вмешательства судьбы в начинания героя (о чем свидетельствует ранее приведенный нами мотив символического происшествия и мотив Божественного предназначения). Счастливая случайность вызывает потрясение души: младенческой — у Достоевского [Селезнев 2007, 12] и зрелой — у внезапно помилованного

Пастернака, который «прожил жизнь с ощущением выстраданного чуда» [Быков 2008, 13]. Обратимся к биографии М. С. Шепкина. Часто с героем происходят ситуации, создающие угрозу жизни, но всякий раз каким-то чудесным образом он выходит из них целым и невредимым [Ивашнев 2002, 13]. Злоключения преследуют его с самого рождения, «когда незадачливая повитуха что-то и как-то плохо перевязала, так что младенец едва не изшел кровью, но повезло <...>» [Там же]. Но везение на протяжении всей жизни неотступно следует за героем. Приведем примеры. Однажды мать Шепкина, Марию Тимофеевну, позвала к себе госпожа. Золовка осталась купить Мишу и забыла про него. Вернувшись, мать застала бедного сына в остывшей воде. То, что мальчик остался цел и невредим, объясняется следующим образом: «Не иначе как счастливым провидением и случайными крестными объяснялось это чудесное спасение, грудной ребенок даже не простудился, проведя в холодной воде больше часа» [Там же]. В другой раз лошадь, в седле которой оказался маленький Миша, испугавшись чего-то, рванула с места, «но колесо дрожек задело за боковые стойки ворот, дрожки спружинили и малыша самым немислимым образом перебросило через их верхнюю перекладину. <...> Через неделю мальчишка уже бегал с деревенской беднотой во дворе» [Ивашнев 2002, 13—14]. А однажды Миша заблудился в лесу, но, видимо, благодаря той самой счастливой случайности, которая ни на минуту его не отпускала, был найден старым крестьянином. Автор далее повествует, что «по случаю чудесного спасения сына заказали в местной церкви молебен Николаю Чудотворцу, «вернувшему» их единственное чадо. Видимо, на роду у него было написано, что пройдет он через все превратности судьбы живым и невредимым» [Ивашнев 2002, 14].

В жизнеописании М. Лютера говорится о том, что однажды по дороге домой его ударила молния. Вне себя от ужаса он громко закричал: «Святая Анна, спаси меня, и я стану монахом!» [Гобри 2000, 40]. Это был знак, посланный свыше. Даруя жизнь М. Лютеру, Всевышний указывал на его предназначение, чтобы развеять все сомнения [Гобри 2000, 41]. За два года до этого,

идя той же самой дорогой со своим товарищем, он «выхватил из ножен висевшую у него на боку шпагу — этот символ принадлежности к благородному сословию, которую он теперь имел полное право носить» [Там же]. Попытка вернуть шпагу в исходное положение закончилась глубокой раной: «ему казалось, что он умирает, и мысленно он снова и снова призывал Богородицу...» [Там же]. Слава Богу, все обошлось.

На этой же дороге, но уже в другой раз, М. Лютер договорился встретиться с товарищем, чтобы вместе пойти в Мансфельд. Не дождавшись друга к назначенному времени, Мартин решил сам идти к нему домой, чтобы поторопить его [Гобри 2000, 42]. Вот какая картина предстала перед его глазами: на полу лежал мертвый товарищ в луже крови. В ту минуту М. Лютер осознал всю важность и значимость всех трех случаев, благодаря которым он получил знамение и остался жив: «Все эти образы снова и снова вставали у него перед глазами, наполняя сердце привычной тоской. Вот он, чуть живой, корчится от боли в придорожной пыли... Вот неподвижное тело друга, навсегда закрывшего глаза... А вот и вспышка молнии, пронизывающая душу предсмертным ужасом... Да, Бог трижды посылал ему знак» [Там же].

Очень часто родители героя хотят, чтобы он, если и не стал продолжателем их дела, профессии, то хотя бы занимался полезными, по их мнению, вещами. Таким образом, необходимо упомянуть еще такой мотив, как *продолжение родительского дела*. Так, отец Тициана мечтает видеть в своем сыне нотариуса или адвоката [Махов 2006, 24], отец Д. Верди думает, что мальчик «когда вырастет, возьмет в свои руки трактир, как это сделал он, унаследовав заведение от своего отца Джузеппе Антонио Верди» или же, если захочет учиться, будет священником [Тароцци 1984, 7], отец Юлиана Семенова просил своего сына пойти по стопам деда-лесника [Семенова 2006, 15], отец Теслы желает, чтобы Никола стал священником [Ржонсницкий 1959, 24]. В биографии С. Баха сказано, что мальчикам в роду непременно уготовано быть музыкантами [Морозов 1984, 5—6]. Родители Ш. Бодлера, как и многие другие, желали для их сына достойной и доходной карьеры: отчим «пред-

лагал ему выбрать между дипломатией и армией», мать хотела, чтобы Шарль стал атташе посольства [Труайя 2006, 47]. Известного художника Б. Кустодиева в девятилетнем возрасте мать отдаёт в Астраханское духовное училище, так как ей казалось совершенно естественным направить его жизненный путь по стопам отца [Кудря 2006, 13]. Отец В. Высоцкого настаивает на поступлении Володи в «механический вуз» [Новиков 2008, 20] и т. д.

Таким образом, исследуемая нами биографическая проза обладает совокупностью определенных мотивов, которые во многом определяют построение биографического текста. В отличие от волшебной сказки, композиция которой характеризуется линейностью мотивов и их определенной последовательностью, построение биографической прозы менее предсказуемо. Однако свойственные именно биографическому тексту мотивы, рассмотренные выше, в ней всегда присутствуют, независимо от описываемой личности, от эпохи и места ее проживания. Возможно, данное обезличивание говорит о таком важном свойстве биографической прозы, как мифологизация персонажа — реально-го человека, исторической личности. В биографической прозе личность в какой-то степени унифицируется благодаря такому использованию одинаковых мотивов в жизнеописании различных деятелей: физиков, музыкантов, монархов, философов, поэтов и т. д.

Мотив является движущим элементом биографической прозы и обладает, согласно ее несказочному характеру, своими, несколько отличными от фольклорных мотивов, особенностями. Дальнейшее изучение специфики и функционирования мотивов в биографической прозе открывает перспективу последующих исследований.

Литература

Андреев 1929 — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
 Анисимов 2005 — *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. М., 2005.
 Бедарида 2006 — *Бедарида Ф.* Черчилль. М., 2006.
 Борисов 2000 — *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000.
 Борисов 2005 — *Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 2005.
 Буганов 1984 — *Буганов В. И.* Пугачев. М., 1984.

Быков 2008 — *Быков Д. Л.* Борис Пастернак. М., 2008.
 Гейзер 2008 — *Гейзер М. М.* Леонид Утесов. М., 2008.
 Гобри 2000 — *Гобри И.* Лютер. М., 2000.
 Гулыга, Андреева 2003 — *Гулыга А. В., Андреева И. С.* Шопенгауэр. М., 2003.
 Гумилевский 1988 — *Гумилевский Л. И.* Вернадский. М., 1988.
 Данин 1966 — *Данин Д. С.* Резерфорд. М., 1966.
 Демин 2008 — *Демин В. Н.* Лев Гумилев. М., 2008.
 Золотусский 2007 — *Золотусский И. П.* Гоголь. М., 2007.
 Ивашнев 2002 — *Ивашнев В. И.* Щепкин. М., 2002.
 Кожин 1988 — *Кожин В. В.* Тютчев. М., 1988.
 Кудря 2006 — *Кудря А. И.* Кустодиев. М., 2006.
 Кузьмин 1987 — *Кузьмин А. Г.* Татищев. М., 1987.
 Лебедев 1990 — *Лебедев Ю. В.* Тургенев. М., 1990.
 Лобанов 1989 — *Лобанов М. П.* Островский. М., 1989.
 Мальцев 1989 — *Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л., 1989.
 Махов 2006 — *Махов А. Б.* Тициан. М., 2006.
 Михайлов 1988 — *Михайлов А. А.* Маяковский. М., 1988.
 Морозов 1984 — *Морозов С. А.* Бах. М., 1984.
 Новиков 2008 — *Новиков В. И.* Высоцкий. М., 2008.
 Павленко 2007 — *Павленко Н. И.* Петр Первый. М., 2007.
 Пирсон 2001 — *Пирсон Х.* Диккенс. М., 2001.
 Плеханов 1986 — *Плеханов С. Н.* Писемский. М., 1986.
 Пропп 2001a — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2001.
 Пропп 2001b — *Пропп В. Я.* Мотив чудесного рождения // Пропп В. Я. Сказка. Эпос. Песня. М., 2001. С. 65–104.
 Пропп 2002 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2002.
 Ржонницкий 1959 — *Ржонницкий Б. Н.* Тесла. М., 1959.
 Селезнев 2007 — *Селезнев Ю. И.* Достоевский. М., 2007.
 Семенова 2006 — *Семенова О. Ю.* Юлиан Семенов. М., 2006.
 Скатов 1989 — *Скатов Н. Н.* Кольцов. М., 1989.
 Скатов 2004 — *Скатов Н. Н.* Некрасов. М., 2004.
 Султанов Ш., Султанов К. 2007 — *Султанов Ш. З., Султанов К. З.* Омар Хайям. М., 2007.
 Тарощи 1984 — *Тарощи Д.* Верди. М., 1984.
 Труайя 2006 — *Труайя А.* Бодлер. М., 2006.
 Тыркова 2006 — *Тыркова А. В.* Жизнь Пушкина: в 2 т. Т. 1 М., 2004.